

О лингвокогнитивном моделировании защитительной речи в современном судопроизводстве

Е. А. Федорченко

Российская таможенная академия

Комсомольский просп., 4, 140015, г. Люберцы, Россия. E-mail: academy@customs-academy.ru

Систематизация языковых средств, используемых адвокатами в своих выступлениях в суде, концептуальный анализ привлекаемых ресурсов языка позволяет реконструировать когнитивные структуры, предопределяющие смысловое развертывание текста, его интерпретацию, и прогнозировать эффективность коммуникации в целом. Данная гипотеза нашла свое подтверждение в проведенном исследовании, посвященном изучению языковых процессов создания текстов защитительных речей в современном российском судопроизводстве. Цель исследования – охарактеризовать стратегии лингвокогнитивного моделирования защитительных речей в аспекте их языковой репрезентации. В качестве материала исследования были использованы защитительные речи современных судебных ораторов конца XX – первой четверти XXI века. Применяемая методика изучения защитительных речей в контексте интерактивного диалога коммуникантов в процессе судебного разбирательства, с учетом используемых адвокатами стратегических процедур обработки профессионального дискурса, позволила описать особенности композиции защитительных речей. К основным характеристикам текста защитительной речи относятся ее многовекторная диалогизация (одновременная ориентация речи на различных адресатов – суд и сторону обвинения) и интертекстуальность как диалогическое взаимодействие с различными юридическими текстами. Выделяются основные модели ситуаций, предопределяющие структуру и особенности развертывания текста защитительной речи. Установлено, что лингвокогнитивное моделирование защитительной речи осуществляется на основе когнитивных стереотипов правового дискурса и при этом подчиняется индивидуальным прагматическим целям. Полученные результаты могут быть использованы в теории текста, а также для дидактических целей при подготовке молодых специалистов – в преподавании учебных дисциплин «Судебное красноречие» и «Ораторское искусство» на юридических факультетах вузов.

Ключевые слова: лингвистика текста, правовой дискурс, когнитивный стереотип, когнитивная модель ситуации, юридическое клише.

Linguocognitive Modeling of Defensive Speech in Modern Legal Proceedings

E. A. Fedorchenko

Russian Customs Academy

4 Komsomolsky Prospekt, 140015, Lyubertsy, Russia. E-mail: academy@customs-academy.ru

Cognitive structures which determine text unfolding and its interpretation, as well as efficiency of communication in general, can be reconstructed through systematizing and conceptual analysis of language units employed by trial lawyers. This hypothesis has been confirmed by the research dealing with language processes of developing texts of defensive speeches in current Russian proceedings.

The purpose of the article is to characterize the strategies of linguocognitive modeling of defensive speech and their linguistic representations. As research material the author uses the defensive speeches of modern court speakers of the end of the XX and the first quarter of the XXI century. The peculiarities of defensive speech composition have been revealed through the technique of studying interactive communication of trial participants, special attention given to strategic application of professional discourse. The main characteristics of the text of the defense speech are multi-vector dialogization, that is, the simultaneous orientation of speech to two different addressees – the court and the prosecution, and intertextuality as a dialogic interaction with various legal texts. The structure and peculiarities of unfolding of a text of defensive speech are determined by several situation models. It is established that linguocognitive modeling of defensive speech is carried out on

the basis of cognitive stereotypes of legal discourse and at the same time obeys individual pragmatic goals. The results obtained can be used in text theory, as well as in teaching the academic disciplines "Judicial eloquence" and "Oratory" to students and undergraduates of law faculties of universities.

Key words: text linguistics, legal discourse, cognitive stereotype, cognitive model of situation, legal cliché.

Введение

В любой профессиональной сфере, в том числе и в области юриспруденции, речевая деятельность характеризуется интерактивностью в плане ее включения в решение тех или иных практических задач. Процессы порождения речи, направленные на решение таких задач, в значительной степени обусловлены алгоритмами определенных, профессионально значимых действий и сопряженных с ними ментальных конструкторов – когнитивных стереотипов профессионального дискурса, средством репрезентации которых в профессиональном языке являются синтагмы различных уровней сложности и различной степени стандартизованности. Регулярная воспроизводимость таких синтагм, специфика их языковых характеристик (семантическая и структурная вариантность) и особенности функционирования влияют на формирование жанровых форм профессионального дискурса и последующую актуализацию жанра в речевой деятельности – на процессы моделирования текстов отдельных жанровых разновидностей в профессиональной коммуникации.

Целью проведенного научного исследования явилось изучение и описание стратегий лингвокогнитивного моделирования защитительных речей в аспекте их языковой репрезентации, что обусловило необходимость сопоставительного лингвокогнитивного анализа используемых в произведениях данного жанра характерных речевых композиционных форм.

В качестве материала исследования были проанализированы репрезентативный корпус защитительных речей выдающихся современных судебных ораторов, а также опубликованные Федеральной палатой адвокатов в 2023 году реальные (произнесенные в суде) защитительные речи, представленные на Всероссийский конкурс профессионального мастерства среди адвокатов и стажеров адвокатов в честь 100-летия со дня рождения С. Л. Арии.

Методология исследования была направлена на реализацию принципа изучения языковых процессов порождения текста в контексте интерактивного диалога коммуникантов. Использованы описательный метод, методы контекстного, концептуального и когнитивного анализа.

Многовекторность диалогизации текста защитительной речи

К основным характеристикам текста защитительной речи относится ее многовекторная диалогизация. Прежде всего это одновременная ориентация текста защитительной речи на двух различных адресатов – суд и сторону обвинения. И вместе с тем защитительную речь в целом характеризует глубокая юридическая интертекстуальность: выступление адвоката в процессе судебного разбирательства включается во внутреннее диалогическое взаимодействие с различными юридическими текстами, то есть каждое значимое положение имеет обязательную ссылку (ссылки) на текст (тексты) законодательства либо подтверждается правовыми принципами или категориями; контраргументация, предъявляемая в юридическом споре со стороной обвинения, с необходимостью соотносится и с отдельными актами правоприменения (например, *Обвинительное заключение* определяет пределы судебного разбирательства).

Одновременная ориентация текста защитительной речи на различных адресатов – суд и сторону обвинения – требует от судебного оратора погружения в профессиональный дискурс с учетом специфики восприятия этих адресатов, их оценок определенных реалий, формируемых с учетом применения критериев справедливости, адекватности, пропорциональности, соразмерности и необходимости.

Как показало анкетирование судей общей юрисдикции (URL: <http://pravorub.ru>), внимание профессионального суда при восприятии защитительной речи направлено преимущественно на информацию, имеющую существенное значение по вопросам, которые необходимо разрешить в совещательной комнате. В частности, суд проверяет, есть ли у защиты бесспорные опровержения позиции обвинения или самостоятельные доказательства. При этом важным обстоятельством при принятии судом аргументации защитника является доверие к нему. В своих анкетах судьи отметили, что «доверие возникает к адвокату "обязательному", "грамотному" и "опытному", а к речи – "профессиональной", "индивидуальной", "красивой", "лаконичной"» (URL: <http://pravorub.ru>).

При подготовке речи защитник должен предвидеть, что в его выступлении может вызвать раздражение у судей. В плане содержания это банальная предсказуемость речи, бессодержательность, отсутствие аргументации (или ее недостаточность), «работа адвоката на публику», отсутствие оценки защитником доказательств, представленных стороной обвинения. В плане формы это многословие, затянутость во времени, избыточная клишированность и излишняя эмоциональность.

В соответствии с юридической техникой, понимаемой широко как *техника коммуникации в юридической среде* [Александров 2006], основные параметры защитительной речи концептуально предопределяются обвинительной речью. Нередко начало защитительной речи строится на цитировании речи обвинения или свободном изложении ее фабулы. В качестве примера обратимся к началу защитительной речи адвоката Ю. А. Свирина: *А. обвинялась следствием по ст. 199 ч. 2 УК РФ (уклонение от уплаты налогов). «А именно в том, что в 2003 г., являясь участником ООО «МалтиСЭН» и одновременно Генеральным директором и главным бухгалтером совершила уклонение от уплаты*

налогов с организации путем непредоставления налоговой декларации и путем включения в налоговую декларацию заведомо ложных сведений, совершенное в крупном размере, группой лиц по предварительному сговору...» (URL: <http://lawyer.vamhoroshee.ru>). (Кавычками маркирована цитата из обвинительной речи.) Типичным приемом цитирования обвинительной речи является использование конструкции-клише *Материалами дела не доказано, что «...»* (далее в кавычках текстуально повторяется концептуально значимая часть обвинения).

Если в начале защитительной речи не представлен повтор фабулы обвинения, то в таком случае обязательно дается оценка обвинению, предъявляемому в суде. Обычно это жестко заявленная позиция несогласия: *«Ваша честь! Необычность данного уголовного дела, которое стало предметом рассмотрения судом под Вашим председательством, заключается в том, что невиновность моего подзащитного в инкриминируемом ему преступлении, а именно в убийстве, является очевидной»* [Сборник работ Всероссийского конкурса профессионального мастерства среди адвокатов... 2023: 77]; *«В ходе судебного разбирательства установлено, что доказательства, изложенные в обвинительном заключении, своего подтверждения не нашли. Само обвинительное заключение имеет ряд существенных нарушений и недостатков, исключающих возможность постановления судом приговора»* [Сборник работ Всероссийского конкурса профессионального мастерства среди адвокатов... 2023: 70]; *«Уважаемый суд! Уважаемые участники процесса! Закончилось рассмотрение уголовного дела в отношении моего подзащитного. Считаю, что обвинение не нашло своего подтверждения в ходе судебного следствия, исследованные же доказательства свидетельствуют о невиновности моего подзащитного»* [Сборник работ Всероссийского конкурса профессионального мастерства среди адвокатов... 2023: 5]. Таким образом, как бы ни была построена защитительная речь, адвокат так или иначе реагирует на все пункты обвинения (оценивает, выражает свое несогласие частично или полностью и т. д.).

Для эффективного речевого воздействия на суд с целью убедить его принять аргументацию, предлагаемую стороной защиты, необходимо мастерство в использовании арсенала юридической риторики. Например, вопрос адвоката о юридической оценке рассматриваемого в суде преступления может быть сильным контраргументом в споре со стороной обвинения: *«Из предъявленного Быкову обвинения неясно, каким же все-таки образом было совершено преступление: организованной группой или по предварительному сговору группой лиц?»* [Падва, Левина 2003: URL]. В данном случае вопрос о юридической оценке задан не с целью получения однозначного ответа. Его интенция – указание на грубую ошибку, допущенную стороной обвинения. (В одной части текста *Обвинительного заключения* утверждается, что *«преступление совершено организованной группой лиц»*, в другой – что *«преступление совершено по предварительному сговору группой лиц»*.)

Частотно находит применение в речи защитников гипофора (грамматический троп речи, где в переносном смысле используется форма вопросительного предложения: автор задает вопрос и сам на этот вопрос отвечает). При этом необходимо отметить, что гипофора в защитительной речи обычно выполняет не только и не столько собственно риторическую функцию (усиление выразительности речи, ее воздействия на адресата речи), сколько функцию специфического приема развертывания речи, в основе которого заключена определенная схема моделирования текста. Вопросы могут отражать структуру статьи закона, и на основе выделенных таким образом когнитивных доминант (комплексов доминантных смыслов, транслирующих волю законодателя) осуществляется последующее развертывание текста; как следствие, использование гипофоры предопределяет не только особенности композиции защитительной речи, но и ее прагматическую направленность. В качестве примера можно вспомнить широко известную речь адвоката Г. М. Резника по делу журнала «Наш современник»: *«Уважаемые судьи! Для вынесения решения вам необходимо ответить на три вопроса: Распространены ли сведения? Носят ли они порочащий характер? Соответствуют ли они действительности?»* [Резник 1992: URL]. В основе развертывания текста цитируемой речи адвоката Г. М. Резника – формулировка правовой нормы, касающейся распространения сведений, носящих порочащий характер (ст. 128.1 УК РФ).

Использование гипофоры может быть направлено на многоаспектное отражение избранной адвокатом линии защиты. Так, адвокат Е. В. Ивон в судебном разбирательстве по поводу инкриминируемого подзащитному преступления, предусмотренного *«п. "б" ч. 4 статьи 162 УК РФ, то есть разбоя, нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, группой лиц по предварительному сговору, с применением оружия, с незаконным проникновением в жилище, в особо крупном размере»* [Сборник работ Всероссийского конкурса профессионального мастерства среди адвокатов... 2023: 16-17], задает вопросы, которые также становятся доминантами для последующего развертывания текста:

«Вам предстоит разрешить 3 поставленных вопроса в отношении моего подзащитного Д.: 1) имело ли место вменяемое Д. деяние – соучастие в разбойном нападении на Б., из корыстных побуждений с применением оружия /.../; 2) было ли это деяние совершено Д.; 3) виновен ли Д. в совершении данного преступления.

Ваша задача – оценить аргументы, которые были представлены вам сторонами процесса, исходя из своего жизненного опыта.

Я убежден в том, что Д. к разбою никакого отношения не имеет» [Сборник работ Всероссийского конкурса профессионального мастерства среди адвокатов... 2023: 16].

Примеры использования гипофоры также можно обнаружить в речи адвоката С. Л. Арии, которую он произнес в 1966 году по делу Виктора Раскина (признана лучшей судебной речью XX века) [Ария 2010: 94-105].

Таким образом, диалогизация и интертекстуальность как сущностные характеристики процесса порождения речи в судопроизводстве предопределяют эффективность защитительной речи и своеобразие ее композиционной формы.

Стратегии моделирования защитительной речи и их языковая репрезентация

Как известно, «...в юридическом мире, в отличие от реального, учитываются не все, а лишь некоторые поступки и состояния человека, причем оценивают их не по житейским меркам, а в соответствии с той или иной абстрактной моделью поведения, закрепленной в законе» [Губаева 2003: 4]. Именно предусмотренные в законодательстве абстрактные модели поведения субъектов правоотношений, их правомочия, обязанности и ответственность формируют когнитивные стереотипы правового дискурса, на основе которых осуществляется развертывание судебной речи.

В каждом отдельном судебном процессе речь защитника отражает определенную «модель ситуации» и связанные с нею стратегические процедуры отбора и обработки наиболее значимой профессиональной информации. Понятие «модель ситуации» в лингвистике текста рассматривается как основной тип репрезентации знаний носителей языка, их мировоззренческих установок, индивидуального опыта, коммуникативных намерений, чувств и эмоций. В основе ситуационной модели выделяется схема модели, наполняемая конкретной информацией в различных коммуникативных актах [ван Дейк 2000]. В соответствии с собственной интерпретацией модели социальной ситуации, получающей правовую оценку в конкретном судебном процессе, в результате стратегических процедур обработки профессионального дискурса адвокат формирует определенную линию защиты, направленную на достижение конкретной прагматической цели – **оправдание подсудимого** или **смягчение наказания**.

При анализе защитительных речей современных судебных ораторов были выявлены две основные стратегические модели ситуаций, которые в соответствии с прагматической целью защитника условно могут быть названы «*Оправдание подсудимого*» и «*Смягчение наказания*». При этом процессы моделирования защитительной речи могут иметь некоторые функциональные особенности в зависимости от избранного направления защиты и профессионального мастерства адвоката.

Когнитивные структуры, предопределяющие развертывание текста, отражающего *стратегическую модель ситуации «Оправдание подсудимого»*, могут быть объединены в отдельные группы на основе определенной концептуальной общности. Основным языковым средством манифестации таких когнитивных структур выступают разнообразные юридические клише – «многословные стандартизованные языковые единицы номинативного и коммуникативного типа, основными отличительными признаками которых являются стереотипная сочетаемость структурных компонентов и определенные ограничения на свободный порядок слов» [Федорченко 2013: 115]. С позиций когнитивной лингвистики оба указанных отличительных признака юридических клише оказываются проявлением «когнитивной сопряженности» [Кибрик 2008: 51], то есть повышенной связанности семантических / концептуальных / когнитивных элементов, представляющих определенные фрагменты профессиональной языковой картины мира в ее доминирующих связях. Значительная часть таких устойчивых словосочетаний и предложений в защитительной речи предсказуемо относится к *законодательным клише* [Батюшкина 2023], поскольку они заданы текстами нормативных правовых актов. Возможная вариативность структуры и расширение компонентного состава юридических клише, что неоднократно отмечается в современных исследованиях [Батюшкина 2023: 12; Федорченко 2013: 115-116 и др.], могут быть связаны с включением юридических клише в различные мыслительные конструкты и (или) непосредственно обусловлены их адаптацией к различным контекстам. Вместе с тем юридические клише одновременно выступают и в качестве средства ограничения интерпретационного потенциала языка как семиотической системы, что чрезвычайно важно для юридического дискурса.

Особое положение (по силе своего воздействия) занимают юридические клише, представляющие концептуальную структуру «Нарушение основополагающих принципов судопроизводства»:

- придание обратной силы закону о ... (совершении преступления в организованной группе);*
- в связи с истечением срока давности (государство потеряло право на обвинение и на доказывание вины подсудимых);*
- в уголовном процессе возложение на обвиняемых обязанности доказывания своей невиновности и их защиту;*
- повторение одного и того же текста в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемых лиц, игравших различную роль в подготовке, совершении, сокрытии преступления;*
- лицо, ранее допрошенное в качестве свидетеля, не может участвовать в деле в качестве прокурора, следователя;*
- лицо, непосредственно не совершавшее преступление, не может быть признано исполнителем;*
- нарушение права обвиняемого на защиту (делает абсолютно невозможным вынесение судом обвинительного приговора) и др.*

Та же текстообразующая речевая интенция обнаруживается при употреблении юридических клише, являющихся средством манифестации юридической позиции по оспариванию доводов обвинения.

Подсудимого следует оправдать, если

- не установлено событие преступления;
- в деянии нет состава преступления;
- подсудимый не причастен к совершению преступления.

Моделирование защитительной речи, направленной на оправдание подсудимого, может быть ограничено развертыванием одного из трех указанных выше положений, имеющих основополагающую концептуальную значимость. В корпусе изучаемых речей защитников выявлены различные варианты вербальной репрезентации указанных выше положений:

из материалов дела следует, что в настоящее время не добыто достаточных доказательств, подтверждающих вину N в совершении преступления, предусмотренного статьей ... закона ...;

показания, полученные на этих допросах, как полученные с нарушением закона, не могут считаться надлежащими доказательствами;

материалами дела не установлено, что в указанный период состоялось какое бы то ни было событие, свидетельствующее о...;

никаких фактических обстоятельств, подтверждающих это утверждение, в деле не имеется;

все вмененные N и другим обвинения, связанные с деятельностью подсудимых до ... (указание даты), не нашли своего подтверждения в судебном заседании;

отсутствие конкретизации действий обвиняемых свидетельствует о незаконности обвинения, что лишает суд возможности признать N и других виновными в каком-либо преступлении;

отсутствие состава преступления в действиях N...;

попытка искусственно подменить составы преступлений и обвинить N в преступлении, состав которого не был предусмотрен законом, действовавшим в момент совершения преступления...;

нет данных и о преступной деятельности N... и др.

Стратегическая модель ситуации «Смягчение наказания» характеризуется следующим: у адвоката и его подзащитного нет возражений по поводу доказанности обвинения, но вместе с тем в защитительной речи ставится одна из следующих целей:

– оспорить отягчающие наказание обстоятельства и потому просить суд исключить из обвинения отягчающие наказание обстоятельства;

– обосновать нецелесообразность назначения дополнительных наказаний;

– оспорить отдельные утверждения обвинения, касающиеся подзащитного.

Разновидностью данной стратегической модели ситуации является ситуация «Изменение квалификации содеянного». Данная ситуация характеризуется следующим: подсудимый признает событие преступления и свое участие в нем, но содеянное, по мнению защиты:

– неправильно квалифицировано по статье Уголовного кодекса Российской Федерации с более строгой санкцией;

– из обвинения следует исключить отдельные квалифицирующие обстоятельства;

– содеянное подпадает под вновь введенную (или измененную) норму Уголовного кодекса Российской Федерации, санкция которой более мягкая, чем у прежней [Федорченко 2015].

Разрабатываемая или избираемая адвокатом стратегическая модель ситуации должна коррелировать с выражаемой в его защитительной речи юридической позицией. Отсутствие у защитника внятной юридической позиции предопределяет неэффективность его профессиональной деятельности. Анализ таких примеров из судебной практики весьма полезен на занятиях по юридической риторике с обучающимися на юридических факультетах вузов, но в тексте научной статьи подобные примеры могут определенным образом нарушать этические принципы научного исследования, поэтому ограничимся цитированием только одного текста, представленного его автором на своем сайте в сети Интернет в качестве образца защитительной речи (демонстрирующей, к тому же, неуважение судебного оратора к нормам русского литературного языка):

«Исходя из всего вышесказанного и учитывая все смягчающие обстоятельства, ст. 14 УПК РФ, ст. 49 Конституции, а также руководствуясь ст. 64, 73 УК РФ

ПРОШУ:

1. прекратить производство по уголовному делу в отношении моего доверителя в виду отсутствия в его действиях состава преступления

2. в случае, если позиция защиты в части прекращения производства по делу не будет взята за основу и суд будет выносить обвинительный приговор при назначении наказания не применять меру, связанную с лишением свободы в отношении моего доверителя путем применения ст. 64, 73 УК РФ и учитывать принцип справедливости и избирая максимально мягкое наказание, какое возможно в данном деле» (URL: <http://katsaylidi.ru>).

И какова же здесь юридическая позиция защитника? Если предположить, что адвокат действительно доказал, что в действиях доверителя отсутствует состав преступления, то последний абзац «убивает» всю речь. Один из постулатов риторики гласит: невозможно убедить кого-то в чем-то, если не убежден в этом сам.

Защитительная речь, как и любой юридический текст, функционирует по своим правилам. Однако достаточно очевидным является тот факт, что привлекаемые судебным оратором языковые средства позволяют в той или иной форме реконструировать когнитивные структуры, предопределяющие смысловое развертывание текста, его интерпретацию, и прогнозировать эффективность коммуникации в целом.

Заключение

Таким образом, лингвокогнитивное моделирование защитительной речи осуществляется на основе когнитивных стереотипов правового дискурса и при этом подчиняется индивидуальным прагматическим целям. Интерпретация защитником реальной социальной ситуации в контексте юридических категорий предопределяет формирование юридической позиции защитника и ментально конструируемой им стратегической модели ситуации, получающей воплощение при разработке защитительной речи. С учетом высокой степени стандартизованности юридического языка перспективной задачей для юрислингвистики является системное описание средств языковой репрезентации типичных (стереотипных) когнитивных структур, обуславливающих процессы порождения речи в судебной практике.

Как показало проведенное исследование, концептуально значимую часть таких языковых средств составляют клише нормативных правовых актов, являющиеся маркерами когнитивных стереотипов профессионального дискурса.

Литература

- Александров А. С. Юридическая техника – Судебная лингвистика – Грамматика права. / Уголовное судопроизводство. – 2006. – №3. – С. 4-7.
- Ария С. Л. Жизнь адвоката. Издание 3-е, дополненное и исправленное. М., 2010.
- Батюшкина М. В. Законодательные клише: специфика, виды и функции / Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 7-14.
- Губаева Т. В. Язык и право. М., 2003.
- Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000.
- Кибрик А. Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры / Вопросы языкознания. – 2008. – № 4. – С. 51-77.
- Речь адвоката Г. М. Резника по делу журнала «Наш современник». URL: <http://www/rusexpert.ru/>public/news/30/11/2017-2pdf>
- Сборник работ Всероссийского конкурса профессионального мастерства среди адвокатов и стажеров адвокатов в честь 100-летия со дня рождения С. Л. Арии. М., 2023.
- Слово Генриха Падвы и Елены Левиной в защиту подсудимого Анатолия Быкова. 2003. URL: <http://regnum.ru>
- Федорченко Е. А. Лингвокогнитивные аспекты моделирования текста в сфере современного судопроизводства (на материале речей российских адвокатов) / Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. – М.; Северодвинск, 2015. – С. 50-56.
- Федорченко Е. А. Языковые клише в юридическом тексте как особый вид манифестаций когнитивных структур / Проблемы концептуализации действительности и моделирование языковой картины мира. – Вып.6. – М.; Архангельск, 2013. – С. 113-117.

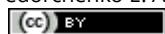
References

- Alexandrov, A. S. (2006). Legal technique – Judicial linguistics – Grammar of law. Criminal proceedings, 3, 4-7 (in Russian).
- Aria, S. L. (2010). Life of a lawyer. 3rd edition, expanded and corrected. Moscow (in Russian).
- Batyushkina, M. V. (2023). Legislative Clichés: Specifics, Types and Functions. Legal Linguistics, 27, 7-14 (in Russian).
- Collection of works of the All-Russian competition of professional skills among lawyers and interns of lawyers in honor of the 100th anniversary of the birth of S.L. Aria. (2023). Moscow (in Russian).
- Dijk, T. A. van (2000). Language, Cognition, Communication (in Russian).
- Fedorchenko, E. A. (2013). Linguistic cliches in a legal text as a special kind of manifestations of cognitive structures. Problems of conceptualization of reality and modeling of the linguistic picture of the world, 6, 113-117 (in Russian).
- Fedorchenko, E. A. (2015). Linguocognitive aspects of text modeling in the field of modern legal proceedings (based on the material of speeches by Russian lawyers). Problems of conceptualization of reality and modeling of the linguistic picture of the world, 7, 50-56 (in Russian).
- Gubaeva, T. V. (2003). Language and law (in Russian).
- Kibrik, A. E. (2008). Linguistic reconstruction of cognitive structure. Voprosy Jazykoznanija, 4, 51-77 (in Russian).
- The speech of Henry Padva and Elena Levina in defense of the defendant Anatoly Bykov (2003). (in Russian). Available from: <http://regnum.ru>
- The speech of the lawyer G.M. Reznik on the case of the magazine "Nash sovremennik" (1992). (in Russian). Available from: <http://www/rusexpert.ru/>public/news/30/11/2017-2pdf>

Citation:

Федорченко Е. А. О лингвокогнитивном моделировании защитительной речи в современном судопроизводстве // Юрислингвистика. – 2024. – 31. – С. 57-62.

Fedorchenko E. A. (2024) Linguocognitive Modeling of Defensive Speech in Modern Legal Proceedings. Legal Linguistics, 31, 57-62.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License